

ДНЕВНИК ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. ОПЫТ КАЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Ю. А. ИЗЮМОВА

ИЗЮМОВА Юлия Александровна - кандидат исторических наук, ассистент Самарского государственного университета (E-mail: julia_izumova@mail.ru).

Аннотация. Практики периода Великой Отечественной войны показаны на свидетельствах дневника рабочего оборонного завода. Записи позволяют исследовать процесс формирования идентичности и выбор модели поведения. Так, партийная карьера была сопряжена с рядом ограничений, и выбор ее в качестве социального лифта определялся скорее практическими соображениями, чем идеологическими. Условия военного времени не сгладили социального неравенства, а лишь редуцировали его формы.

Ключевые слова: качественные методы, историческая социология, война, повседневное поведение, идентичность, жизненная стратегия

Ряд современных исследований, посвященных сталинскому периоду истории советской России, ставят проблему детерминированности жизни советских людей политическим режимом: "Способны ли люди сталинского периода к артикуляции своей частной идентичности за пределами ценностей данной политической системы?" [1]. Реконструкция практик советского общества позволяет утверждать, что в нем социальные правила не соблюдаются буквально, и всегда остается возможность манипулировать системой в свою пользу. Предметом рассмотрения историков и социологов становится анализ возможностей активного участия людей в применении правил советского общества с непредсказуемым результатом [2].

Применительно к периоду Великой Отечественной войны народ снова рассматривается как единый организм, объединенный патриотическими чувствами. Не умаляя значения подвига людей, переживших войну, отмечу, что конструкт "единства" может быть преодолен через обращение к повседневным практикам военного времени.

Объектом настоящей статьи являются записные книжки А. Г. Смышляева, которые он вел - с небольшими перерывами - на протяжении всех военных лет [3]. Рукопись датирована 1979 годом, когда, во время кампании сбора воспоминаний о войне среди ветеранов завода, Александр Григорьевич перепечатал свои записные книжки. В источнике выделены места, где автор посчитал нужным дополнить свои дневники. Смышляев вел их практически каждый день, в том числе описывая ряд нелицеприятных для себя фактов. Педантичность записей позволяет сделать вывод об отсутствии публичного адресата записок в виде Истории, Общества, Потомков и т.п. При переписывании записные книжки подверглись минимальной самоцензуре, что дает право рассматривать рукопись 1979 года как полноценную авторскую копию дневников военных лет.

Дневниковые записки по сравнению с воспоминаниями представляют собой более "открытый" текст (У. Эко). Пишущие воспоминания выстраивают свою биографию как законченную; текст приобретает ритуальный характер. События описываются выборочно, исходя из знания последствий, роли этих событий в истории страны или в собственной биографии. Переосмысливаются собственные поступки, они "встраиваются" в некий нормативный канон или, в случае несоответствия, отбрасываются как несущественные. Конечно, и в случае с дневниковыми записями существует дистанция между случившимся и рассказчиком, но все же дневники ближе к времени практики и лишены знания о будущем. Поэтому они ценнее для реконструкции собственно военного времени.

Александр Григорьевич Смышляев - сибиряк (родился в Томске), не из бедной семьи: его отец имел недвижимость в Новосибирске, в 1920-е годы жил в собственном доме в Томске. В 1934 г. Смышляев начал работать на московском Государственном авиационном заводе N 1, в 1940 году закончил "безотрывный факультет" МАИ, был активным членом комсомольской организации. К моменту начала войны он - член партии, парторг цеха; на производстве занимал должность производственного мастера, в конце войны - начальника конвейера. В 1941 г. ему 37 лет, он невысокого роста, худощавый (вес на август 1941 г. - 56,6 кг). Это молодожен и счастливый отец: перед войной у него родился сын Гена. В записках имеется единичное упоминание о старшей дочери.

В октябре 1941 г. завод N 1 НКАП (Народный комиссариат авиационной промышленности - аналог министерства) был эвакуирован в Куйбышев, современную Самару. За несколько дней до эвакуации, в самые тревожные для Москвы дни 16 - 18 октября 1941 г., Смышляев записал: "На заводе никто не работает, разгромили главный заводской склад, растащили из него ткани, одежды, кожаные пальто и все что можно. Весь день в цехе хождение, разговоры. Очень рано все разошлись <...> Рабочих в цех приходит все меньше и меньше. Они, получив месячный отпуск, постепенно уезжали, или просто не приходили на эвакуирующийся завод, ища другую работу. Были и такие". Смышляев был "не такой", в дневнике он постоянно выделяет случаи неправильного с его точки зрения поведения, как бы отмечая точки бифуркации: и я мог бы поступить так же, но не поступил.

По образу жизни Смышляев типичный представитель рабочего класса, который декларировался как опора партии и государства: квалифицированный рабочий, занимающийся самообразованием, активный член партии. Практики самообразования типичны для "класса-гегемона" - чтение сочинений Ленина.

Воспроизведение Смышляевым типовых черт рабочего-партийца имеет, кроме явных, скрытые мотивы. В 1937 г. его - активного комсомольца - приняли в партию. В этом же году арестован отец. Скорее всего, - из-за владения недвижимостью, то есть за социальное положение. Смышляев скрыл факт ареста. Этот скрываемый изъян биографии заставлял его быть "праведнее папы Римского", следовать канонам поведения "правильного" советского человека. При этом нельзя сказать, что в поведении Смышляева видна натянутость, наигранность. В январе 1942 г. он отправляет жене, эвакуированной в Новосибирск, 19 номеров "Правды" бандеролью - куда серьезнее! Тем не менее, сознание уязвимости рождало страх: "Неожиданно промелькнула мысль: и вдруг я увидел, что не имею права не читать каждый день газеты. Сразу стало нехорошо" (август 1942 г.).

Так же "нехорошо" Смышляев чувствовал себя, когда воровал доски для топки; когда, распределял картофель, взяв себе столько, что с трудом донес домой; когда выписывал себе мебель: "Выписал пропуск на стол, четыре табуретки, полочку. За их изготовление заплатил согласно калькуляции. Весь день нервничал, хотя я ни в чем не виноват, а все же неприятно пользоваться правами, которые не все имеют" (сентябрь 1942 г.). Это ощущение "неудобства" можно рассматривать, с одной стороны, как обостренное чувство социальной справедливости, с другой - как понимание возможности подставить себя под удар.

Следовать принципам было особенно сложно человеку, обремененному семьей. В январе 1943 г. семья Смышляевых голодала: "Дома нет света, нет дров. У Геночки распухли от голода ручки. Как это нестерпимо больно" (16 января); "Когда вечером пришел домой Нина, сказала: "Геночка спит. Он наверное заболел от холода, целый

день не сходил с горшка. Обед не доварился - не хватило дров". Я встал и не знал с чего начать. Принесенными обрезками фанеры доварили обед, вскипятили чаю. Стало немного легче на душе" (27 января); "Встал в 5. Два раза сходил за водой. Наполоскал белье, наколол дров. Не попив чая, не съев ни кусочка хлеба, пошли на завод. Дома нет ни крошки хлеба" (30 января).

Конечно, Смышляев просит: квартиру, как у всех парторгов, вместо комнаты в бараке, просит машину для переезда, дополнительное питание... Но из жалоб жены ясно, что он пользуется далеко не всеми благами, которыми мог бы, и делает это осознанно: "Семья не хочет мириться с временными трудностями, без обвинения меня их пережить и преодолеть. Я обвиняюсь в том, что мало делаю для семьи, не достаточно энергичен для этого и мало уделяю внимания семье и много производству и еще в том, что я не использую всех своих предоставляющихся разных возможностей, вплоть до блата, для устройства личной жизни! О! Как тяжело!" (19 февраля 1943 г.).

Практика самоограничения была одновременно практикой самосохранения, что подтверждается двумя эпизодами. В июле 1942 г. Смышляев был вынужден заночевать на квартире у Замчевского, парторга ЦК: "Я ночевал у Замчевского. Небольшая комната. Буфет, гардероб, две кровати железных, из которых одна очень простая, диван и сколоченный из досок стол посередине с несколькими стульями. Вот все простое убранство этой комнаты, а ведь он парторг ЦК! И все же эта комната на Безымянке производит впечатление недостижимой роскоши". В воспоминаниях сам Замчевский показывает значение этой "простоты": "Никитин вызывает меня к себе и говорит: надо свернуть тебе шею, а не к чему придраться. Имеешь комнату, а не квартиру. Не ворует. Не пользуешься служебным положением".

Второй эпизод касается исключения Смышляева из партии в 1944 г., когда по доносу всплыл факт ареста отца. Потеря партбилета была для него тяжелым ударом, настолько, что на несколько месяцев Александр Григорьевич перестал вести записные книжки. Подавая апелляцию, он надеялся на восстановление в партии, так как "за меня: 1) моя безупречная жизнь, 2) моя большая партийная и общественная работа..." Смышляев был восстановлен в партии в августе 1945 г.

"Безупречная жизнь" для человека с небезупречной биографией являлась способом сохранения места в социуме. Для Смышляева этот эпизод стал оправданием стратегии поведения на всю жизнь. В позднейшей вставке в дневник он написал: "Кончилась моя политическая смерть. Я вышел радостным, довольным, все во мне ликовало. Все-таки правильная и активная жизнь дала свои результаты. Рад до бесконечности. Дал себе зарок больше не совершать преступлений. С тех пор живу безукоризненно и принимаю активное участие в партийной жизни".

Дневники Смышляева показывают, что не все рабочие следовали этому правилу. Запись от 21 августа 1942 г.: "Вечером разговор. (Мою дочку любит дочка Зиновьева и часто требует привести ее к себе на дачу. Возвращаясь, дочка рассказывает: "папа, они живут как до войны, у них все есть. Всегда белый хлеб, мясо, колбаса, ветчина, масло, яйца, и т.д." Запись 30 октября 1942 г.: "Вера рассказывала: "У нас на кухне и в столовой 51 человек, все сами кушают, ничего не платят и еще своих водят и домой носят. Вот развешивала масло. У нее осталось 1,5 кг. Дали конфеты для ремесленников. Норма 8 тр., а конфетка весит 10 гр. Так резали конфетку пополам, ремесленникам давали по полконфетки, а остальное себе. Да еще каждый подходит и прямо берет себе хлеб, конфеты и т.д." В это же время Смышляев описывал свой завтрак: "Скушал грамм 150 картошки, пил чай с ржаным хлебом посыпая его солью. Моя обычная еда последнего времени". Показателями социального неравенства были еда и жилье: "Наша семья занимала 12-ти метровую комнату в двухкомнатной квартире, а семья Яншиных занимала комнату в 23 кв.м. В обоих семьях по 4 человека и по 2 работали на заводе" (27 февраля 1943 г.).

Записки Смышляева позволяют видеть отношение к партии со стороны рабочих. Сам Александр Григорьевич, парторг цеха, буквально разрывался между партийной работой и непосредственными обязанностями мастера. Дневники 1941 - 42 гг. преимущественно содержат упоминания о партийной работе: сборах членских взносов, распределении обедов, беседах. Например: "Уйма работы. У каждого в цехе одна мысль - выполнить программу - дать детали. Заражен этим до предела. Раз-

говаривал с мастерами по душам - все уверены в реальности программы" (9 февраля 1942 г.). Эта работа спустя 37 лет получила пафосную оценку автора: в тексте есть дополнение, датированное 17 апреля 1979 г.: "Душа партии - я был ее представитель и душа мастеров была одна". Эта запись свидетельствует о том, что "единство душ", впоследствии так ярко выделенное и оцененное автором, не было постоянным.

В 1942 г. Смышляев записал разговор со Злотником во время ночного дежурства в цехе: "Поймите, самое главное у нас нет стимула к работе. Ну, хорошо, мы с вами работаем сознательно, но ведь это мы с вами, а миллионы? Разве они так работают. Поймите - у хозяина был стимул. Сама революция отняла этот стимул. В этом все дело. Мы плохие хозяева. Мы плохо руководим. И я боюсь, что и на фронтах такая же неразбериха" (28 августа 1942 г.). Под "мы" в первых двух предложениях подразумеваются, скорее всего, сами беседующие как часть некой группы сознательных рабочих - членов партии. "Мы" в третьем и четвертом случаях объединяет "хозяев" страны, руководящих на основе партийной идеологии. Это запись в дневнике Смышляева позволяет говорить об имевшейся среди рабочих неуверенности в компетенции партии.

В эпизоде, рассказывающем о митинге 7 ноября 1942 г., отчетливо видна дистанция между партией и рабочими. Обычно сдержанный Смышляев назвал партийное мероприятие "беспокойством", а лидеры вызвали "бешенство": "Встал в 6. В 7 - 45 был у проходной. Кроме нескольких партторгов никого не было. Сильный ветер с морозом делал опасным пребывание на митинге. Был в душе взбешен отсутствием Земчевского и Зиновьева. В 8 - 30 они подошли. Земчевский сказал: Если у вас ничего не вышло, идите в цеха и снимите весь народ. После митинга пойдут обратно в цеха работать. Я пошел в цех. Работало человек 30. Никого не стал беспокоить и ушел домой".

Выбор партийной работы вместо судьбы рабочего давал видимые преимущества, однако подчас воспринималось рабочими как недостойное поведение. В апреле 1942 г. Смышляев согласился быть назначенным на должность начальника технологического отдела своего цеха. Это решение повысило его авторитет среди рабочих: "Дежурный по цеху, Илья Федорович Быков, конструктор техотдела сказал: "Когда конструктора и технологи узнали о вашем назначении, то все думали - партийная власть будет заниматься только общим руководством. А оказалось наоборот. Вы вникаете в самую глубину, во все мелочи". Андрей Ильич Жаров сказал: "Вы <...> занимаетесь техникой, а не политикой" (28 августа 1942 г.). Приведенные слова имеют значение похвалы. Когда в сентябре 1943 года Смышляеву предложили работать третьим секретарем парткома, лучший друг Злотник так прокомментировал это предложение: "Он сказал, что если я перейду в партком, то в глазах всех буду чисто партийным работником, но зато у меня будет гораздо больше свободного времени". Стать "чисто партийным работником" означало своего рода дезертирство из рабочей среды, "ничегонеделанье", связанное с приобретением личных выгод. Смышляев не мог не согласиться: нищета, полуголодное существование, физическое утомление и семейные скандалы заставляли искать лучшей доли. Будучи членом парткома, он стал высыпаться, лучше питаться. Получив допуск в элиту завода, он стал участником празднеств и застолий: "Празднование по случаю получения знамени. Роскошные завтрак и обед даже для мирного времени. Концерт артистов. Великолепно провели день. Так отдохнул, как ни разу с начала войны" (17 октября 1943 г.).

Не прошло и года, как Смышляев оставил эту должность, был исключен из партии и вернулся в цех. Это событие показало ему неэффективность выбранной стратегии идеального партийца, и в первый день нового, 1945 года, он формулирует задачу самому себе: "Постараться быть менее щепетильным, использовать все возможности для получения благ для семьи". Надо полагать, что после восстановления в партии он вернулся к первоначальному типу поведения, о чем свидетельствует позднейшая вставка в текст: "... и с тех пор живу безукоризненно".

Выбор жизненного пути между партийным работником и цеховым рабочим, между щепетильной бедностью и достатком, связанным с использованием служебного положения, в конечном итоге был связан с поиском лучшей жизни. Выбранная Смышляев-

вым стратегия была не из легких: добровольный аскетизм и дисциплина, плюс активная партийная работа должны были принести ему и его семье достаток и социальное положение в полном согласии с

установленными в советском обществе правилами игры. Так бы оно и было, если бы не "изъян" его происхождения.

На фоне переменных успехов в борьбе за выживание отчетливо видна "независимая переменная" жизни Смышляева, ее культурная составляющая. В годы войны завод поглощал большую часть времени работников. Педантичный Смышляев подсчитал, что в августе 1941 г. он провел на заводе 617,5 часов в месяц (или в среднем 20 ч. в сутки), дома находился 52 часа (в среднем 1,7 ч. в сутки), в дороге - 39,5 ч. (или 1,3 ч. в сутки). Еще одна строка учитывает время, проведенное в городе, в кино, в бане, в театре, в больнице, в читальном зале, в гостях: 29 часов (по часу в день).

Посещение кино, театров, читального зала было неотъемлемой частью жизни Смышляева: "Был в Куйбышеве. <...> Посетил кино, музей революции и читальный зал. Сегодня удалось утолить чувство голода по культуре, так долго накапливавшееся". Театр, особенно опера - "удача высшего класса". Он посещает театр тогда, когда, казалось бы, должен еле держаться на ногах от усталости. Приведем подряд несколько записей из его дневника в феврале 1942 г.: "10. Очень напряженно на заводе. 11. Очень утомлен и хочу спать. Напряженно. 12. Работа. Очень утомлен. 13. Встал в 4 - 30. На завод уехал с поездом в 5 - 30 и сразу же окунулся в дела мастерской. Вечером поехали компанией в оперетту. С удовольствием прослушали Сильву. На завод приехали около 4-х. 14. Работа. Вечером оперетта "Принцесса цирка" - организовал поездку партком. Очень утомлен. Спал все время хода пьесы. 15. Завод. Весь день чувствовал себя очень утомленным. Ночью - дежурный в цехе. 16. Ночью почти не спал. Вечером партсобрание".

Такие формы досуга как преферанс и игра в "козла" вызывают у Смышляева чувство культурного падения: "Вечером заходили к Баташевым и играли в "козла"; неужели я становлюсь обывателем? Хотя у меня даже и на это нет времени" (1 января 1945 г.).

Из дневника видно, что, кроме работы в цехе, дежурств, партийных обязанностей, работы в огороде, необходимости обеспечивать семью продуктами и дровами, Смышляев прилагает усилия, чтобы сохранить статус культурного человека. Самый дорогой ресурс - время - он тратит на чтение Ленина, ведение дневника или на утомительную поездку в куйбышевский театр. Эти поступки с его точки зрения имеют такое же значение как обед или сон, более того, они могут заменить последние: "Был днем в ГАБТЕ. Верди - "Травиата". Хорошо доехали туда и обратно. Но дома все тот же ужас; нет света, дров, холодно и голодно" (17 января 1943 г.).

Анализ дневника Смышляева показывает, что его "игра" с властью, с партией была не безальтернативной. Более того, в базовом слое советской социальной иерархии, среди цеховых рабочих, были люди, которые вполне осознанно не хотели в нее играть, выбирая себе другие жизненные цели. Это поведение не имеет ничего общего с политическим диссидентством. Наконец, в жизни Смышляева была сфера, вовсе свободная от диктата советских правил: даже будучи исключенным из партии, он все равно ездил в театр и играл в шахматы. Делать этот его выбор, почти мучительный в условиях военного времени, его никто не вынуждал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории. М.: "Европа", 2005. С. 31.
2. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008; *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: Институт философии, 1996; *Коткин С.* Говорить по-большевистски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 250 - 328.
3. Архив музея ГНПРКЦ "ЦСКБ-Прогресс". Воспоминания о работе на заводе во время Великой Отечественной войны т. Смышляева А. Г.